

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. В. БОНДАРКО

К ТЕОРИИ ПОЛЯ В ГРАММАТИКЕ — ЗАЛОГ И ЗАЛОГОВОСТЬ (На материале русского языка)

1. Поля, рассматриваемые в этой статье (мы называем их функционально-семантическими), представляют собой группировки языковых элементов, для которых характерны следующие черты: 1) наличие общих инвариантных семантических функций у элементов, образующих данную группировку; 2) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов, в частности грамматических и лексических; 3) структура, в которой определяющую роль играют следующие признаки: а) членение «центр (ядро) — периферия»; б) постепенные переходы между компонентами данной группировки и разными группировками, частичные пересечения, «общие сегменты»¹.

Необходимо различать: а) поле как особый тип системы — группировки, связей и взаимодействия языковых элементов в самой языковой действительности, т. е. поле как объективную данность² и б) принцип поля, т. е. подход к фактам языка с точки зрения теории поля как отражение этой объективной данности в приемах лингвистического анализа. Между структурой поля в объекте анализа и «полевым подходом» к языковым явлениям существует основное отношение детерминации: структура объекта определяет приемы его исследования³.

¹ Данное определение во многом опирается на существующие работы по проб леме поля применительно к грамматическим и связанным с ними явлениям, прежде всего, если иметь в виду литературу последнего времени, — работы В. Г. Адмони, Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс, Фр. Данеша, Г. С. Щура, А. А. Хадеевой-Быковой (ссылки даны в последующем изложении). См. библиографию в статье: Г. С. Щур, О новом и старом в теориях поля в лингвистике, «Уч. зап. [Ярославск. пед. ин-та]», 73, 1970. Наша трактовка функционально-семантического поля основана главным образом на исследовании вида, времени и других категорий русского глагола. Мы сосредотачиваем внимание на тех полях, в центре которых находятся грамматические категории.

² О структуре поля как объективном свойстве системы языка см.: В. Г. Адмони, Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 49; см. также: Г. С. Щур, О соотношении между некоторыми категориями в лингвистике, «Уч. зап. фак-та ин. яз. [Тульск. пед. ин-та]», 2, 1969, стр. 234.

³ Каждая черта «полевого подхода» так или иначе связана с лингвистической традицией. Последняя, как правило, обходилась без самого термина «поле», но замечала и разрабатывала многое из того, чем занимается теория поля. Качественная специфика «полевого подхода» заключается прежде всего в концентрации и систематизации ряда принципов и приемов анализа, которые раньше не рассматривались как единое целое, а также в том, что некоторые стороны лингвистического анализа подчеркиваются, эксплицируются и детализируются в контексте современных трактовок языковых систем. Принцип поля представляет одну из сторон системного (в частности, структурно-функционального) анализа языковых фактов.

Изложим основные соображения о каждом признаке функционально-семантического поля в отдельности ⁴.

1. **Общность семантических функций.** Здесь речь идет о таких функциях, как выражение модальных, темпоральных, аспектуальных, залоговых отношений. Семантико-функциональная общность служит основой, на которой объединяются разнородные языковые элементы — морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические ⁵. Эти элементы различны по принадлежности к той или иной стороне языка, по структурной организации и другим своим свойствам, но общность семантических функций объединяет их, создавая возможность их взаимодействия.

Такая общность означает принадлежность семантических элементов, выраженных различными языковыми средствами, к определенной семантической зоне. Инвариантной для этой зоны является лишь наиболее общая семантическая черта, находящаяся как бы на вершине иерархии (например, для поля темпоральности — выражение временных отношений), тогда как на более низких ее ступенях широко представлено семантическое варьирование. Каждое из языковых средств, относящихся к данному полю, имеет свое специфическое значение — либо грамматическое, либо лексическое, либо словообразовательное. Функционально-семантическое поле не охватывает эти значения полностью, оно отбирает лишь сопоставимые друг с другом семантические элементы и интегрирует их. Например, в лексическом значении глаголов типа *обещать*, *надеяться*, *мечтать* для выражения темпоральных отношений релевантен лишь элемент потенциальной отнесенности действия, раскрывающего содержание обещания, надежды и т. д., к будущему (*обещал приехать* и т. п.).

Семантические функции составляющие план содержания рассматриваемых полей, не тождественны понятийным (логическим, мыслительным) категориям, хотя и связаны с ними, опираются на них. Функционально-семантические поля — это конкретно-языковые двусторонние единства, план содержания которых включает в себя семантические элементы в интерпретации именно данного языка. Отсюда вытекает, «поверхностная» трактовка таких полей. Это не исключает связи с глубинным уровнем: семантические функции, носителями которых являются элементы данного поля, представляют собой поверхностную реализацию определенных глубинных понятийных категорий. Понятийные категории глубинного уровня, с одной стороны, реализуются в вариантах общезначимых, а с другой — в таких вариантах, которые составляют специфическую особенность данного языка или группы языков. Поэтому план содержания определенного поля в изучаемом языке разнороден: здесь переплетаются универсальные и неуниверсальные элементы. Так, в семантическом содержании категории вида (ядра поля аспектуальности в славянских языках), с одной стороны, обнаруживаются признаки, которые не являются специфическими только для славянских языков (длительность, процессность, повторяемость или неповторяемость и т. д.), а с другой стороны, сильно проявляется специфическая конкретно-языковая интерпретация характера протекания действия, не имеющая абсолютно адекватного соответствия в других языках; таков, например, признак неделимой целостности дей-

⁴ Эти замечания дополняют характеристику функционально-семантических полей, данную в кн.: А. В. Бондарко, Грамматическая категория и контекст, Л., 1971, стр. 3—75.

⁵ Семантическая общность как основа группировок языковых явлений, разумеется, не новый принцип. На этой общности базируются, в частности, концепция Ф. Брюно, теория понятийных категорий О. Есперсена и И. И. Мещанинова, теория модальности В. В. Виноградова.

ствия, присущий совершенному виду в отличие от несовершенного ⁶. Этот семантический признак при переводе со славянских языков может теряться без ущерба для основного смысла высказывания, так как непосредственно не отражает свойств самих действий во внеязыковой действительности, а представляет собой собственно языковую интерпретацию характера протекания действия, закрепившуюся в семантической стороне грамматического строя славянских языков и приобретшую свойство обязательности.

2. Взаимодействие явлений, относящихся к разным сторонам языка. Это свойство ⁷ отличает функционально-семантические поля от других разновидностей языковых систем, охватывающих лишь однородные элементы, например, только морфологические или только лексические. Взаимодействие компонентов поля имеет конкретное лингвистическое выражение, в частности, оно проявляется во влиянии определенных лексико-грамматических разрядов на парадигму «соседней» морфологической категории. Ср., например, влияние¹ способов действия на парадигму вида, влияние разрядов вещественных, собирательных, отвлеченных и конкретных существительных на парадигму числа. Таким образом, здесь представлено парадигматическое взаимодействие. К типу синтагматического взаимодействия относятся проявления сочетаемости элементов поля в случаях типа *вчера были...* — **вчера будем*.

В области грамматических категорий и связанных с ними явлений обычно взаимодействуют языковые средства, относящиеся, как уже сказано, к разным сторонам языка (морфологической, синтаксической, словообразовательной, лексической), но к одному его уровню, в частности, к уровню слова ⁸. Таковы примеры, приведенные выше. Однако возможно и взаимодействие элементов разных уровней. В качестве примера можно привести соотношение видовых форм (уровень слова) и определенных типов предложения, структура которых включает в себе кратно-соотносительные конструкции (уровень предложения).

Принцип поля при анализе грамматических категорий предполагает особое внимание к распределению языковых средств при выражении плана содержания данного поля, к роли каждого из них в общем комплексе взаимодействующих элементов, к вопросам «чем выражено?», «как выражено?».

3. Основные признаки структуры функционально-семантического поля:

1) Членение «центр (ядро) — периферия». Трудно найти более общую черту строения лингвистических (и не только лингвистических) объектов, чем наличие, с одной стороны, центральных, а с другой — периферийных явлений. Естественно, что издавна многие исследователи отмечают эту черту при анализе фактов языка. Спецификой «полевого подхода» в данном случае является специальное внимание к критериям такого членения.

Противопоставление «центр — периферия» многосторонне. Укажем важнейшие признаки его членов, лежащие в основе критериев их выделения ⁹.

⁶ Попытки некоторых исследователей переносить семантику совершенного и несовершенного вида в полном ее объеме на неславянские языки, в частности, на немецкий, не имеют, на наш взгляд, достаточных оснований.

⁷ Важные стороны взаимодействия грамматических и лексических фактов языка отмечены в ст.: Е. И. Шендельс, О грамматико-лексическом подходе к языку, «Лингвистика и методика в высшей школе», 5, М., 1970.

⁸ О необходимости различать уровни и стороны языка см. в кн.: «Грамматическая категория и контекст», стр. 11—12.

⁹ Каждый из этих признаков так или иначе уже отмечался в литературе.

а) Сосредоточение, максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих данную группировку (центр) — разреженность таких признаков (периферия)¹⁰. В качестве примера можно привести концентрацию дифференциальных семантических признаков в грамматической категории вида как ядре поля аспектуальности в русском языке¹¹ в отличие от периферии этого поля. Среди периферийных компонентов аспектуальности представлены средства, выражающие отдельные аспектуальные функции (ср., например, *долго* как показатель длительности, наречия *иногда*, *часто*, *обычно* и т. д. — показатели нелокализованности действия во времени, ср. также значения способов действия — одноактного, многоактного, дистрибутивного, ограничительного и т. д.). Однако аспектуальные функции здесь рассеяны, рассредоточены среди множества средств — отдельных лексем и их группировок. Аспектуальные семантические признаки в данной области не сосредоточены в замкнутой системе оппозиций. Не только вид, но и другие морфологические категории (время, наклонение, лицо, число и т. д.) представляют собой такие системы противопоставленных друг другу грамматических форм, в которых сконцентрированы дифференциальные семантические признаки, наиболее полно отражающие специфику плана содержания не только данной морфологической категории, но и всего функционально-семантического поля в целом.

Из того факта, что специфические признаки данной группировки языковых явлений сосредоточены в центре, а для периферии характерны разреженность признаков, пересечения с другими группировками, обладающими иными признаками, вытекает следующее общее соображение по поводу дефиниций в грамматике (и не только в грамматике). В определениях таких явлений, как, например, значения грамматических категорий (скажем, категорий падежа, залога), важно ориентироваться прежде всего именно на центр. Далеко не всегда можно дать определение, которое было бы действительно в полной мере и для периферийных зон изучаемого объекта, где его признаки сталкиваются с признаками смежных явлений. Дефиниции, которые стремятся во что бы то ни стало охватить и эти периферийные области, нередко проигрывают в содержательной определенности. Вероятно, для некоторых наиболее сложных объектов целесообразно сначала формулировать определение, рассчитанное на центр, а затем вносить отдельные частные коррективы для периферийных зон (очень важно не гиперболизировать и не исказить такой подход к дефинициям, так как здесь велика опасность оправдать принципом поля просто недостаточные и неточные определения).

б) Сосредоточение связей, отношений, нахождение данного явления в области пересечения тех линий, которые связывают элементы данной группировки, участие в максимальном числе оппозиций (центр) — рассредоточение сетки связей, их ослабление, проявление той или иной степени изолированности (периферия)¹². В рассматриваемых нами морфологических категориях русского глагола в наибольшей мере сосредоточены

¹⁰ Важность этого критерия подчеркивает В. Г. Адмони (указ. соч., стр. 51). Близка к этому точка зрения Фр. Данеша, который приписывает центру свойство компактности, а периферии — диффузности (Fr. Daněš, The relation of centre and periphery as a language universal, TLP, 2, 1966).

¹¹ См.: А. В. Бондарко, Вид и время русского глагола (значение и употребление), М., 1971, стр. 10—21.

¹² Некоторые исследователи выдвигают на первый план высокую степень интеграции как признак центра, имея в виду степень участия того или иного элемента в отношениях, характеризующих данную систему (см.: J. Vachek, On the integration of the peripheral elements into the system of language, TLP, 2, стр. 23), участие в наибольшем числе дистинктивных оппозиций (M. Romportl, Zentrum und Peripherie im phonologischen System, там же, стр. 103).

не только семантические признаки соответствующих полей, но и связи, отношения компонентов морфологической категории к этим признакам. В морфологической категории сконцентрирован целый комплекс грамматических оппозиций. Периферийные компоненты полей темпоральности, модальности и т. д. также могут формировать оппозиции. Ср., например, *прежде : теперь : потом ; вчера : сегодня : завтра ; только что : давно* и т. д. Такие оппозиции, однако, рассредоточены в широкой области лексики. Микросистемы, в которых они устанавливаются, не отличаются ни последовательностью, ни замкнутостью, ни парадигматичностью. Оппозиции в данной области вообще не являются обязательными. Так, можно отметить отдельные способы действия (например, прерывисто-смягчительный, сопроводительный, взаимный), которые представляют собой относительно изолированные лексико-грамматические (словообразовательные) разряды, не образующие оппозиций.

Концентрация специфических признаков влечет за собой и концентрацию связей, отношений. Эти черты центральных явлений в области грамматики можно рассматривать как некоторое сложное единство, характеризующееся общим свойством концентрации, интеграции. Данным комплексом, лежащим в основе наиболее существенных критериев членения «центр—периферия», в значительной мере обуславливаются другие черты рассматриваемого членения.

в) Максимальная функциональная нагрузка (центр) — уменьшение такой нагрузки (периферия)¹³. Высокая функциональная нагрузка как свойство центральных явлений вытекает из указанных выше двух основных черт центра: сосредоточение специфических признаков вместе с концентрацией связей влечет за собой увеличение функциональной нагрузки, позволяет концентрировать емкий семантический потенциал. Таков, в частности, потенциал морфологических категорий, о которых говорилось выше.

г) Наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенной семантической функции (центр) — меньшая степень специализации, побочная роль в реализации данной функции (периферия)¹⁴. Максимальная специализация как особенность центра обусловлена высокой организацией системы средств с концентрированными специфическими признаками и отношениями. Ср., с одной стороны, категорию времени, специально предназначенную для выражения темпоральных отношений, а с другой — лексические компоненты темпоральности типа *давно, прошлым летом, десять лет тому назад, завтра, через месяц* и т. п., не являющиеся специальными выразителями абстрактных темпоральных отношений.

д) Регулярность, высокая частота употребления данного языкового элемента (центр) — нерегулярность или меньшая регулярность, меньшая употребительность (периферия)¹⁵. Эта черта центральных языковых явлений вытекает из высокой концентрации признаков и связей, а также из специализированного выражения значительной функциональной на-

¹³ См.: Фр. Д а н е ш, указ. соч., стр. 13. Своеобразная шкала оценок функционально-семантической нагрузки построена в ст.: А. А. Х а д е е в а - Б ы к о в а, К вопросу о степени сфокусированности функционально-семантических полей предложных обстоятельств (на материале английского языка), «Труды [Военного ин-та ин. яз.], Иностранные языки, 5, М., 1969.

¹⁴ Ср.: Е. В. Г у л ы г а, Е. И. Ш е н д е л ь с, Грамматико-лексические поля в современном немецком языке, М., 1969, стр. 10; ср. также: А. В. Б о н д а р к о, Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий). Автореф. докт. диссерт., Л., 1968, стр. 5—6.

¹⁵ Данный критерий отмечается многими исследователями; см., в частности: Фр. Д а н е ш, указ. соч., стр. 13; Е. В. Г у л ы г а, Е. И. Ш е н д е л ь с, указ. соч., стр. 10.

грузки. Если речь идет о грамматических категориях, то регулярность их функционирования обусловлена еще одним важным фактором — свойством обязательности, присущим этим категориям в языках флективно-синтетического типа.

Рассмотренный ряд признаков центра и периферии не является исчерпывающим. В частности, можно было бы отметить регулирующую и консолидирующую роль центральных явлений по отношению к периферийным. Эти признаки, однако, имплицитно уже представлены в предшествующем изложении или, по крайней мере, непосредственно из него вытекают. Отмеченные пять признаков достаточно характеризуют основные черты центра и периферии.

Вопрос об иерархии критериев рассматриваемого членения чрезвычайно сложен. В целом более или менее очевидно доминирующее положение первых двух черт (концентрации признаков и связей) по отношению к другим признакам. Сколь-нибудь устойчивый иерархический порядок среди этих последних черт установить пока не представляется возможным. Вопрос о критериях осложняется тем, что в каждом конкретном случае значимость того или иного признака может повышаться по сравнению с другими.

Для функционально-семантических полей характерна постепенность перехода от центра к периферии. Таковы, например, границы парадигмы склонения как морфологического ядра поля модальности. Речь идет, в частности, о парадигме императива. Основными (центральными) формами повелительного склонения в русском языке являются формы типа *подумай(те)*. К этому ядру парадигмы примыкают формы совместного действия типа *подумаем(те)*, *будем(те) думать*, *давай(те) думать*. С основными формами императива их объединяют такие признаки, как значение побуждения, императивная интонация, наличие аффикса *-те*. Однако эти формы отличаются от основных неполной парадигматичностью, недостаточностью формальной характеристики, ограниченностью охвата лексики, стилистическими ограничениями, особым отношением к лицу, не характерным для основных форм императива. Еще дальше от центра находятся аналитические конструкции типа *пусть думает*. Одними своими признаками они сближаются с основными формами императива, а другими — отличаются от них: в частности, побуждение в данном случае не обращено к лицу (предмету)-субъекту действия (*Пусть стол останется здесь и т. п.*), при таких аналитических конструкциях нормой является наличие подлежащего. Эти конструкции, таким образом, лишь примыкают к парадигме повелительного склонения, но не могут рассматриваться как ее полноправные члены. Для «полевого» подхода к парадигмам подобного типа характерен отказ от принципа «да — нет», «это парадигма, а это не парадигма». Для рассматриваемого подхода характерны поиски центра парадигмы как зоны сосредоточения ее наиболее специфических признаков и учет периферийных «зон затухания специфичности», примыкающих к центру явлений, втянутых в сферу влияния парадигмы, но лишь отчасти к ней относящихся, составляющих в значительной мере ее ареал, ближайшее и более отдаленное окружение.

2) Постепенные переходы, частичные пересечения. Эти явления нередко отмечались лингвистами (в частности, А. М. Пешковским, Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым)¹⁶. «Переходные случаи» — не исключение из правила о членении целого на отдельные части,

¹⁶ Из работ последнего времени см.: А. Ф. Лосев, Введение в общую теорию языковых моделей, «МГПИ имени В. И. Ленина», № 307, 1968; В. В. Бабаицева, Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений, Воронеж, Воронеж, 1967.

а закономерное проявление одной из важных сторон полевой структуры языковых группировок.

Пересечения полей основаны на множественности признаков языковых явлений. По одному признаку данное явление относится к одному полю, по другому — к «соседнему» полю, пересекающемуся с данным, так что в целом рассматриваемые языковые явления могут оказаться причастными к нескольким полям¹⁷.

Один из примеров пересечений элементов функционально-семантического поля — соотношение ряда частных видовых значений (эти значения, соотношенные с их выражением, могут трактоваться как аспектуальные микрополя)¹⁸.

Нельзя говорить о переходности от любого микрополя к любому. Все зависит от конфигурации микрополей: одни из них оказываются связанными, другие — отделенными друг от друга. В области частных значений совершенного вида (микрополей, в которых семантическую основу, «фон» создает совершенный вид) постепенные переходы связывают конкретно-фактическое значение со всеми остальными значениями — наглядно-примерным, потенциальным и суммарным; кроме того, «промежуточные случаи» обнаруживаются на границах между наглядно-примерным и потенциальными значениями. Среди микрополей, группирующихся вокруг несовершенного вида, также наблюдаются контакты между определенными, но не всеми семантическими кругами. Так, обобщенно-фактическое значение связано с конкретно-процессным, неограниченно-кратным и ограниченно-кратным, но не контактирует с постоянно-непрерывным и потенциально-качественным значениями.

Примером, отражающим пересечение нескольких аспектуальных микрополей, могут служить часто встречающиеся в грамматиках высказывания типа *Птицы летают; Рыбы плавают*: здесь представлен «общий сегмент» микрополей постоянно-непрерывного, неограниченно-кратного и потенциально-качественного значений.

Постепенные переходы как проявление непрерывности значений, «семантического континуума» следует отличать от такого наложения или совмещения значений, при котором они реализуются параллельно, не смешиваясь и не представляя никаких промежуточных случаев. Таково, например, совмещение суммарного и наглядно-примерного значений совершенного вида. «Утро он встречал так: дождется восхода солнца, трижды, по привычке, перекрестится на него, умоется родниковой водой и пойдет осматривать бахчу» (Тропольский, Записки агронома).

Принцип поля не противоречит признанию цельности и дискретности языковых явлений: речь идет о стремлении учесть диалектическое соотношение цельного и нецельного, дискретного и недискретного в языковой действительности. Изучая поля, мы стремимся познать как узлы средоточения специфики вычлняющихся и противопоставленных друг другу целостных языковых явлений, так и зоны совмещения и взаимодействия признаков разных единств.

Рассмотренные черты функционально-семантического поля неравноценны с точки зрения их специфичности именно для данного типа языковых группировок. С этой точки зрения выделяются первые две черты. Общность семантических функций (именно семантических, а не каких-либо иных) отличает функционально-семантические поля от других типов язы-

¹⁷ См.: В. Г. А д м о н и, указ. соч., стр. 48.

¹⁸ О частных видовых значениях см.: Ю. С. М а с л о в, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление), сб. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959, стр. 231 и сл.; А. В. Б о н д а р к о, Вид и время русского глагола..., стр. 21—42.

ковых полей, например, от полей, элементы которых объединены общностью эмоционально-экспрессивных функций. Взаимодействие не только однородных, но и разнородных языковых элементов также является специфической чертой функционально-семантических полей, отличающей их от других типов группировок и систем в языке, например, от лексико-семантических полей, представленных однородными лексическими элементами, от фонетических систем, морфологических категорий и т. д. Что же касается признаков структурной организации рассматриваемых единств (структура типа «центр — периферия», постепенные переходы, общие сегменты), то они важны для функционально-семантических полей, однако эти черты имеют гораздо более широкую сферу распространения, они свойственны множеству языковых явлений за пределами функционально-семантических полей. Иначе говоря, эти черты характерны для них, но не только для них, что вполне естественно, поскольку данные признаки структурной организации языковых объектов отражают какие-то более общие закономерности строения и взаимоотношения объектов, изучаемых разными науками.

«Полевой подход» к грамматическим категориям создает дополнительные возможности для анализа взаимоотношений систем грамматических форм с окружающей их лексико-грамматической и лексической средой. Изучение связей с этой средой расширяет круг причинно-следственных зависимостей, которые могут быть выявлены при исследовании грамматического строя языка.

Применение принципа поля в грамматике встречается с серьезными трудностями. Возникает опасность абсолютизации и гиперболизации понятия поля. Уже начинает проявляться «мода на поля». Приложение термина «поле» ко всевозможным языковым явлениям без необходимых оснований приводит к возможности дискредитации лишь начинающего складываться способа описания языковых фактов в общих рамках системного анализа. Не успев утвердиться в области грамматики, принцип поля начинает приобретать отпечаток банальности, тривиальности.

На наш взгляд, нет никакой необходимости называть и считать полями самые разнообразные факты языка — такие, как части речи, лексико-грамматические разряды, предложение, члены предложения, обособление, однородность и т. д. О поле целесообразно говорить лишь при всей полноте признаков, существенных для этого понятия по принимаемому определению, причем применительно именно к определенному типу группировок языковых фактов, а не к отдельным фактам, явлениям, единицам. Важно проводить различие между полем и полевой структурой [см. пункт 3 1) и 2)], те или иные стороны которой действительно свойственны множеству языковых явлений (например, частям речи, морфологическим категориям, парадигмам, словообразовательным разрядам и т. д.).

II. Попытаемся теперь применить принцип поля к рассмотрению залога русского глагола. Представляется необходимым различать з а л о г как грамматическую категорию и более широкое (включающее, помимо залога, и другие компоненты) поле з а л о г о в о с т и. В русском языке (и в целом ряде других языков) залоговость — это функционально-семантическое поле, создаваемое взаимодействием разнородных языковых средств (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических), служащих для выражения языковой семантической интерпретации отношения действия к субъекту и объекту.

Рассмотрим основные черты структуры поля залоговости в русском языке. Выделить грамматический центр этого функционально-семантического поля нелегко. В данном случае речь может идти о центральном положении не одной оппозиции, а нескольких, как нам представляется, — двух.

К центру поля залоговости принадлежит оппозиция актив и пассива (не приводим здесь аргументов, так как это достаточно ясно). Данная оппозиция является морфолого-синтаксической. Морфологическая ее сторона заключается в том, что форма отдельно взятого глагольного слова в одних случаях полностью определяет залог, а в других — предопределяет (в принципе, при прочих благоприятных условиях) возможность образования обоих залогов. Случаи первого рода: *встречает, идет, встречающий, идущий* (актив); *встреченный, встречаемый* (пассив). Случаи второго рода: *встречается, встречающийся*; подобные возвратные образования могут выступать как в активе (*Я впервые встречаюсь с ним*), так и в пассиве (*Такие выступления встречались восторженно*). Синтаксическая сторона рассматриваемой оппозиции заключается в том, что актив и пассив представлены и выражены не только в формах глагола, но и за его пределами — в соотношении глагола-сказуемого с подлежащим и дополнением. По существу речь идет об активной и пассивной конструкциях, об активном и пассивном оборотах, где глагол — лишь один из участников выражения залоговых отношений. В целом оппозиция «актив — пассив» выделяется в грамматической системе языка на основе факта семантической и формальной противопоставленности соответствующих конструкций (уровень предложения, синтаксическая сторона языка), опирающихся в их глагольной части на определенные морфологические залоговые средства глагола, отчасти достаточные, отчасти недостаточные для залоговой характеристики слова (уровень слова, морфологическая сторона языка).

Морфологическую основу актива составляют невозвратные глаголы, в том числе действительные причастия, а морфологическую основу пассива — страдательные причастия. Залоговая принадлежность этих образований может быть определена чисто морфологически, в отвлечении от конкретного лексического наполнения, от словообразовательного разряда, от синтаксической конструкции. Так, если известно лишь то, что налицо невозвратный глагол (в любой форме, кроме формы страдательного причастия), то тем самым известно, что это глагол (причастие) действительного залога. Что же касается возвратных глаголов (в том числе причастий), то их распределение между активом и пассивом, употребление в активной или пассивной конструкции зависит от многих факторов: от лексического значения глагола, от словообразовательного разряда, к которому принадлежит данный глагол, а также от вида, лица, наклонения и времени. В тех случаях, когда все эти факторы допускают функционирование данного образования не только в активе, но и в пассиве, залог определяется лишь типом синтаксической конструкции.

Разумеется, и при употреблении морфологически характеризованных залоговых образований актив выражается не только глаголом, но и синтаксической конструкцией, сочетанием глагола с подлежащим и дополнением (если они представлены) в их отношении к субъекту и объекту. Однако различие заключается в том, что в случаях типа *Конференцию организует наш институт*, *Конференция организована нашим институтом* синтаксическая характеристика залога накладывается уже на «готовую» морфологическую характеристику, тогда как в случаях типа *Конференция организуется нашим институтом* синтаксическая характеристика оказывается решающей, поскольку морфологическое выражение в данном отношении является неопределенным, недостаточным¹⁹.

¹⁹ Замечание о терминологии. Наряду с недифференцированным употреблением двух пар терминов — «актив и пассив», «действительный и страдательный залог», на наш взгляд, возможна некоторая их дифференциация. В рамках нашей трактовки русского залога актив и пассив — более широкие понятия, чем действительный и стра-

Вслед за рядом ученых²⁰ мы придерживаемся той точки зрения, что противопоставление актива и пассива охватывает всю глагольную лексику. Существует не больше оснований выводить несоотносительные по залогу образования типа *лежать* за пределы залога, чем несоотносительные по виду образования (ср. тот же глагол *лежать*) за пределы вида.

Наша трактовка семантики актива и пассива не отличается от широко распространенных толкований. Актив (*Эту проблему решают геологи*): действие представлено как исходящее от носителя глагольного (процессуального) признака, как имеющее центробежную направленность по отношению к нему; субъект (производитель действия) выступает в роли подлежащего, находится в центре предложения. Пассив [*Эта проблема решается геологами*; *Эта проблема решается (решена)*]: действие представлено как направленное на носителя глагольного признака²¹, как центростремительное по отношению к нему²²; в центре предложения, в позиции подлежащего, находится объект, испытывающий на себе действие, субъект же либо занимает периферийное положение, выступая в роли дополнения и представляя источник «воздействия со стороны», либо полностью устраняется.

К грамматическому центру поля залоговости относится также морфологическая оппозиция возвратных и невозвратных глаголов. Имеются в виду не частные словообразовательные разряды глаголов типа собственно-возвратных или взаимно-возвратных. Подобные разряды относятся к периферии залоговости. Речь идет о более высоком уровне грамматической абстракции — обо всех возвратных глаголах в системе языка в их отношении ко всем невозвратным. Общим значением возвратных глаголов является значение интранзитивности²³. Невозвратные глаголы являются немаркированным членом оппозиции, т. е. не содержат в своей семантике данного признака, они могут быть как транзитивными, так и интранзитивными²⁴. Таким образом, с семантической точки зрения здесь представлено противопоставление интранзитивных и «транзитивно-интранзитивных» образований. Это противопоставление выходит далеко за пределы соотносительных глаголов. Соотносительными или несоотносительными могут быть отдельные глаголы или группы глаголов (ср. *радовать — радоваться*), рассматриваемое же противопоставление относится к плоскости грамматической (морфологической) системы языка, где любой возвратный глагол является носителем морфологически выраженного признака интранзитивности и противостоит в этом отношении любому

дательный залог.²⁵ Последние два термина целесообразно употреблять в более специальном, морфологическом смысле, скажем, определяя глагол *приготовить* как глагол действительного залога, а причастие *приготовлен* — как страдательное причастие (причастие страдательного залога). Термины же «актив» и «пассив» имеют более широкое значение — по отношению как к уровню предложения, к активной и пассивной конструкциям, так и к уровню слова, к морфологической системе языка (в последнем случае — когда нет необходимости специально подчеркивать морфологическую сторону залога).

²⁰ См., в частности: В. Н а в г а н е к, *Genera verbi v slovanských jazycích*, I, v Praze, 1928, стр. 14—15.

²¹ Понятие «носитель глагольного признака» охватывает не только подлежащее. Ср., например, случаи типа *К проблеме, решенной геологами...* В таких случаях становится особенно очевидной важность этого понятия для характеристики залога.

²² О различительных признаках центробежности/центростремительности см.: М. И. Г у х м а н, Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков, М., 1964, стр. 8—9.

²³ См.: Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в, О залогах русского глагола, ИОРЯС, IV, кн. 4, 1899, СПб., стр. 1155.

²⁴ См.: R. J a k o b s o n, Zur Struktur des russischen Verbums, «Charisteria Gvilelmo Mathesio... oblata», Pragaе, 1932, стр. 77.

невозвратному глаголу как морфологически по данному признаку не характеризованному.

Принадлежность противопоставления возвратных и невозвратных глаголов к грамматическому центру поля залоговости обуславливается следующими основными факторами: 1) признак интранзитивности, получающий в данной оппозиции морфологическое выражение, является существенным для семантики залоговости: отсутствие направленности действия на прямой объект, сосредоточенность (в этом смысле) в сфере субъекта — это семантическая характеристика, определяющая языковую интерпретацию отношения действия к объекту, но затрагивающая и отношение к субъекту; 2) признак интранзитивности в данном случае лежит в основе грамматической оппозиции, стоящей как бы над лексикой и над отдельными лексико-грамматическими разрядами — над разрядами собственно-возвратных, взаимно-возвратных глаголов и т. д.

Если говорить об иерархии рассматриваемых залоговых противопоставлений, то на первое место должна быть поставлена оппозиция «актив — пассив». Ее доминирующая роль обусловлена несколькими факторами. Один из них — более высокая «степень грамматичности», которой может достигать противопоставление. В области морфологически характеризованных в отношении актива — пассива образований, безусловно, во всяком случае в пределах одного вида — либо совершенного, либо несовершенного, — представлены оппозиции словоизменительного типа, формы одного и того же слова (ср. *написал, написавший — написан, написанный; требует, требующий — требуемый*)²⁵. Что же касается противопоставления возвратных — невозвратных глаголов, то оно целиком должно быть отнесено к классификационному типу. Как известно, присоединение постфикса *-ся* во многих случаях влечет за собой изменение лексического значения (ср. *бить* и *биться*, *носить* и *носиться*, *вернуть* и *вернуться*). Возможные случаи совпадения лексического значения невозвратного и возвратного образований (ср. *анализирует, анализирующий — анализируется, анализирующийся*) не обладают достаточной регулярностью для того, чтобы можно было говорить о формах одного и того же слова, о словоизменении (ср. видовые пары в области перфективации — типа *строить — построить*, которые ввиду их нерегулярности нельзя причислять к словоизменению). Другой фактор, обуславливающий первенство оппозиции актива и пассива в залоговой иерархии, состоит в том, что в основе данного противопоставления лежат наиболее специфические семантические признаки в сфере залоговости, связанные с изменением направленности действия по отношению к носителю глагольного признака, с изменением соответствия субъекта и объекта подлежащему и дополнению. Наконец, важно то, что возвратность — невозвратность занимает подчиненное положение по отношению к противопоставлению «актив — пассив» в том смысле, что она служит для него одним из различительных средств. Следовательно, в центре залоговости основным грамматическим (морфолого-синтаксическим) ядром является противопоставление актива и пассива, тогда как оппозиция возвратных и невозвратных глаголов занимает в этой центральной области относительно периферийное положение. Поэтому собственно залогом, грамматической категорией залога в русском языке, по-видимому, следует признать лишь противопоставление актива — пассива.

²⁵ Если это видовая пара, являющаяся результатом имперфективации (*рассмотреть — рассматривать* и т. п.), члены которой есть основания считать формами одного и того же слова, то можно говорить о залоговом противопоставлении словоизменительного типа и по отношению к обоим видам (*рассматривает, рассматривающий, рассмотрел, рассмотревший — рассматриваемый, рассмотренный, рассмотрен*).

Сложность проблемы залога в русском и других славянских языках в значительной мере обусловлена тем, что оппозиция актива и пассива оказывается сопряженной со «второй залоговой оппозицией» — противопоставлением возвратных — невозвратных глаголов. Сопряженность этих оппозиций находит отражение в трехчленной системе морфологических залоговых образований²⁶:

1. Невозвратные глаголы действительного залога (в том числе действительные причастия)	2. Возвратные глаголы (в том числе причастия)	3. Страдательные причастия

Первый и третий члены данной трихотомической системы образуют антонимическую оппозицию (разновидность эквиолентной) по признакам активности — пассивности (А + : П + , или, что то же самое, А + : А — , или П — : П +). Второй член, занимающий срединное, промежуточное положение между этими полюсами, является немаркированным в данном отношении (А ±, П ±).

Та же система морфологических залоговых образований служит для выражения залоговой оппозиции, основанной на признаке интранзитивности. Вторым компонент рассматриваемой системы характеризуется данным признаком (И +), выступая как маркированный член привативной оппозиции по отношению к невозвратным глаголам (для которых И ±). Страдательные причастия также обладают признаком интранзитивности (И +)²⁷. Следовательно, по данному признаку страдательные причастия объединяются с возвратными глаголами и противостоят невозвратным глаголам как морфологически в этом отношении не маркированным.

Схема трех рядов морфологических залоговых образований кажется нестройной, неупорядоченной, не основанной на едином принципе членения. Но именно такова система, отраженная в данной схеме, потому что в ней совмещены две разные оппозиции. Она и не может быть иной, если в ее основе лежат разные признаки.

Одно из проявлений асимметричности рассматриваемой системы заключается в том, что морфологически характеризованное выражение пассива страдательными причастиями оказывается неравноправным по отношению к более широкому и более регулярному морфологическому выражению

²⁶ Выражение «залоговые образования» охватывает формы одного и того же слова (ср. *забывший* — *забытый*) и разные слова (ср. *забыть* и *забыться*).

²⁷ Переходный глагол в этой форме не может проявить необходимый признак переходности — сочетаемости с прямым дополнением (в этом отношении причастный пассив типа *Дача построена* аналогичен возвратному — *Дача строится*). Страдательное причастие, таким образом, — это непереходная форма глагола, форма, выступающая в позиции непереходности, где прямое дополнение исключено. Такая трактовка основана на том, что транзитивность/интранзитивность — это свойство глагола (или определенной глагольной формы), неотделимое от плана языкового выражения, а не самостоятельный чисто семантический признак действия. При другом подходе, если опираться лишь на логическое понятие перехода действия на объект, мы должны были бы признать наличие транзитивности не только в случае *Дача построена*, но и в случае *Дача строится* (действие и здесь переходит на объект), что было бы явно неверно. В действительности в случаях *Дача строится*, *Дача построена* представлена не транзитивность, а центростремительная направленность действия, что совсем не одно и то же: центростремительная направленность предполагает, что объект представлен как носитель глагольного признака, транзитивность же связана с языковой интерпретацией объекта как зависимого от действия. Транзитивность (прямая переходность) налицо лишь там, где представлена или возможна сочетаемость глагола с прямым дополнением (ср. иную точку зрения в статье: В. Н. С и д о р о в, И. С. И л ь и н с к а я, К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке, ИАН ОЛЯ, 1949, 4, стр. 349).

актива. Правда, страдательным причастиям в выражении пассива отчасти помогают возвратные глаголы, но и это не устанавливает равновесия, так как возвратные глаголы служат и активу. В этой асимметричности отражен действительно неодинаковый удельный вес актива и пассива в системе языка и в процессе его функционирования, отражена более специальная и более ограниченная роль пассива по сравнению с активом в процессе коммуникации.

Рассмотренная трехчленная система залоговых образований существенна для морфологического строя русского языка, для глагола, но ее не следует абсолютизировать. Морфологические залоговые образования — действительные, страдательные и возвратные — находятся на службе синтаксических залоговых конструкций — активной и пассивной.

Предлагаемая трактовка залога во многом связана с русской грамматической традицией, хотя и отличается от нее. Система трех рядов морфологических залоговых образований, о которой говорилось выше, соответствует традиционной морфологической системе, выделяемой в области причастий, где различаются причастия действительные, возвратные и страдательные. Мы лишь распространяем этот принцип на глагол в целом (не отождествляя, однако, три ряда морфологических залоговых образований с залогами). Важный аспект связи с традицией — учет не только отношения актива — пассива, но и возвратных — невозвратных глаголов²⁸. Специфической особенностью предлагаемой трактовки категории залога (мы сейчас оставляем в стороне понятие залоговости) является попытка разделить вопрос о залоговых оппозициях и вопрос о морфологических средствах выражения залоговых отношений. Другой особенностью является попытка установить, как связаны друг с другом разные залоговые оппозиции, как распределена между ними функциональная нагрузка.

Обратимся теперь к зоне, переходной от центра к периферии, и к собственно периферии поля залоговости.

К центру поля залоговости непосредственно примыкает лексико-синтаксическая оппозиция переходности/непереходности. Эта оппозиция связана с противопоставлением актива и пассива, поскольку она обуславливает соотносительность или несоотносительность активного и пассивного оборотов. Налицо также функциональная связь переходности/непереходности с возвратностью/невозвратностью. Эти оппозиции, образуя особую функционально-семантическую сферу внутри залоговости — сферу транзитивности/интранзитивности, взаимодействуют, дополняют друг друга. Противопоставление возвратного и невозвратного глаголов морфологически маркирует интранзитивность, но оставляет невыраженным различие транзитивности/интранзитивности в области невозвратных глаголов. Это различие передается лексико-синтаксическим способом — сочетаемостью или несочетаемостью с винительным падежом прямого объекта (у возвратных глаголов интранзитивность оказывается выраженной дважды, избыточно — и морфологически, и лексико-синтаксически).

В целом в грамматическом центре залоговости и в области, примыкающей к центру, выделяются две частично пересекающиеся функционально-семантические сферы: сфера активности — пассивности, имеющая грамматическое (морфолого-синтаксическое) выражение, и сфера транзитивности — интранзитивности, охватывающая взаимодействующие друг с другом морфологические, лексико-синтаксические и словообразовательные

²⁸ См., в частности: В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 629—641.

средства. Последняя сфера выходит за пределы грамматического центра залоговости, охватывая отчасти и периферийную область.

У лексико-синтаксического противопоставления переходности/непереходности, основанного на сочетаемости — несочетаемости с прямым дополнением, есть черты как центральности, так и периферийности. К первым относится семантика данной оппозиции, существенная для залоговости. Далее, важно то, что любой глагол так или иначе определяется лексико-синтаксически по отношению к этой оппозиции. Она характеризуется регулярностью функционирования. Периферийность же проявляется в зависимости переходности — непереходности от лексического значения и синтаксического поведения отдельных глаголов и глагольных групп (в этом смысле переходность не интегрирована, а «рассеяна» в глагольной лексике). Если постфикс *-ся* — общий признак, который «механически» решает вопрос об интранзитивности на уровне морфологической системы языка, то вопрос о лексико-синтаксической переходности/непереходности решается особо для разных словообразовательных типов, сплошь и рядом для каждого глагола, а нередко и для разных значений и типов употребления одного и того же глагола.

Грань между центром и периферией залоговости труднее всего провести именно в рассматриваемой области. Трудно решить вопрос, относится ли лексико-синтаксическая переходность/непереходность к центру или нет. Если не относится, то понятие центра залоговости оказывается более «грамматичным», в большей степени сосредоточенным на выражении залоговых отношений в самом глаголе и с этой точки зрения более строгим, но ущербным в том смысле, что в центральную зону залоговости включается лишь морфологическое выражение транзитивности/интранзитивности, само по себе недостаточное (для всей области невозвратных глаголов), а лексико-синтаксическое выражение оказывается вне этой зоны. Если же отнести и лексико-синтаксическую переходность/непереходность к центру, то он окажется не «чисто грамматическим» (морфолого-синтаксическим), а смешанным, более пестрым и разнородным комплексом, включающим в себя не только морфологические и синтаксические, но и лексико-синтаксические компоненты.

Предварительно мы отдали предпочтение более строгому грамматическому подходу, не включая лексико-синтаксическую переходность/непереходность непосредственно в центральную зону залоговости и рассматривая эту оппозицию лишь как примыкающую к этой зоне. Однако в принципе нельзя исключить возможность иного решения, при котором центр залоговости понимался бы как функциональный комплекс, состоящий из двух оппозиций: актива — пассива и транзитива — интранзитива (включая не только морфологическое, но и лексико-синтаксическое выражение последней оппозиции). При таком решении определяющим оказался бы не структурно-грамматический, а функциональный принцип.

К собственно периферийной области залоговости, с нашей точки зрения, относятся словообразовательные разряды возвратных глаголов — глаголы собственно-возвратные (*беречься, защищаться* и т. п.), взаимно-возвратные (*видеться, обниматься*), обще-возвратные (*веселиться, сердиться* и т. п.), косвенно-возвратные (*строиться, прибраться*) и т. д.²⁹ Указанные разряды глаголов на *-ся* во многом аналогичны способам действия глаголов, разрядам имен существительных собирательных, вещественных, отвлеченных и конкретных. Подобные лексико-грамматические разряды

²⁹ См.: В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 629—639; см. также: Н. А. Янко-Тришца, Возвратные глаголы в современном русском языке, М., 1962.

не опираются на специальную систему форм, хотя и имеют грамматическое выявление.

Значения залоговых разрядов как бы накладываются на общую семантическую основу всех возвратных глаголов — значение интранзитивности. Другой стороной той семантической основы, на которую наслаиваются эти дополнительные оттенки, является значение актива (см. приведенные выше примеры) или (иногда) пассива (ср. пассивно-потенциальное значение в случаях типа *Книга легко читается*).

В рассматриваемых случаях проявляется своего рода иерархия семантических признаков в сфере залоговости: 1) признаки активности — пассивности, 2) признаки транзитивности — интранзитивности, 3) дополнительные периферийные оттенки, наслаивающиеся на первые два типа признаков.

На периферии залоговости находятся также такие явления, как выражение взаимного значения сочетанием глагола со своеобразными взаимными местоимениями *друг друга, друг с другом* и т. п. Ср. также отмеченный С. Е. Яхонтовым «лексический пассив» типа *Он терпит обиды*³⁰, *Они испытывают давление со стороны* (грамматически это актив, но лексически передается пассивность носителя глагольного признака). Примеры периферийных явлений в области залоговости можно было бы умножить.

Поле залоговости перекрещивается с другими функционально-семантическими полями. Так, залоговость пересекается с персональностью (ср. отношение определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных конструкций к активу и пассиву, а также отношение к пассиву 1 и 2-го лица, с одной стороны, и 3-го лица, с другой). Можно отметить также пересечения с аспектуальностью (ср., в частности, разное отношение возвратного и причастного пассива к глагольному виду), модальностью, темпоральностью, падежностью.

Рассмотрим некоторые аспекты пересечения залоговости с персональностью. С полем персональности связано особого рода отношение к субъекту. Изменение этого отношения не приводит к переходу от актива к пассиву и наоборот. Данное отношение связано с наличием или отсутствием членов предложения, соответствующих субъекту. Ср. *Недостатки нами устраняются* и *Недостатки устраняются* — в обоих случаях представлен пассив. Ср. также *Недостатки устраняют наши сотрудники* и *Недостатки устраняют* — в обоих примерах актив. В последнем случае сохраняется центробежная направленность действия, с той, однако, особенностью, что носитель глагольного признака здесь выступает не как вербализованный и конкретный, а как подразумеваемый и неопределенный.

Особенно сложный случай — соотношение оппозиции «актив — пассив» и безличности. В случаях типа *Дорогу занесло*, когда нет субъекта-подлежащего, но есть объект-дополнение, еще в какой-то степени сохраняется центробежная направленность действия: налицо языковое выражение направленности на объект, представленный дополнением, — конечный пункт направленности, хотя отсутствует начальный (нет носителя глагольного признака). Поэтому, при всей специфичности таких случаев, есть основания относить их не только формально, но и семантически к активу. Сложнее обстоит дело в случаях типа *Светает, Вечерет*, когда нет ни субъекта, ни объекта. В таких случаях формально-морфологически представлен действительный залог (поскольку налицо невозвратный глагол), но го-

³⁰ См.: С. Е. Я х о н т о в, Конструкции, называемые пассивными, в китайском языке, сб. «Категория залога. Материалы конференции», Л., 1970, стр. 45—46.

ворить о центробежной направленности глагольного действия нельзя, поскольку нет ни носителя глагольного признака, ни объекта-дополнения. Эти случаи могут быть истолкованы по-разному, в частности как нейтрализация семантического противопоставления по признаку направленности действия в результате «столкновения» залоговости с безличностью.

Подход к залогу с точки зрения теории поля в известном отношении противостоит универсально-типологической теории залога³¹. Эти концепции находятся в отношении дополнителности. Разные точки зрения в данном случае связаны с направленностью исследования на разные стороны изучаемого объекта, с различием сферы, приемов и целей анализа.

В отличие от универсально-типологической теории полевой подход к залогу имеет конкретно-языковой характер. Речь идет об определенном «устройстве» средств выражения залоговых отношений в данном конкретном языке. Ни один язык не выражает всех в принципе возможных залоговых отношений и ни один язык не выражает эти отношения лишь грамматическими средствами. Каждый язык осуществляет выбор из «залогового потенциала», из потенциально возможного комплекса залоговых отношений, причем в разных языках залоговая функциональная нагрузка по-разному распределяется среди морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических средств. В разных языках обнаруживаются различия в конфигурации залоговых элементов, в их соотношении, в границах поля залоговости, в картине пересечений с другими функционально-семантическими полями. Естественно, что универсально-типологическая теория залога не ставит перед собой задачу специального изучения таких конкретных группировок средств выражения залоговых отношений.

Понятие поля залоговости важно для сопоставительных исследований. Возможно и целесообразно сопоставительное изучение структуры залоговости в исследуемых языках. Такой анализ позволит установить черты сходства и различия в распределении и взаимодействии разнородных средств выражения залоговых отношений, в конфигурации пересечений залоговости с другими функционально-семантическими полями. При сопоставительном анализе полей залоговости сохраняется свойственный полевому подходу конкретно-языковой и преимущественно индуктивный характер исследования, отличающий этот подход от универсально-типологической теории залога.

³¹ См., в частности: А. А. Холодович, Залог, сб. «Категория залога. Материалы конференции», Л., 1970; В. С. Храковский, Конструкции пассивного залога (определение и исчисление), там же.